

«Отказываться от воспитания и стыдно, и опасно...»

Кто в ответе за маргинальных подростков?

Борис АЛМАЗОВ, председатель Российской ассоциации «Педагогическая реабилитация детей и подростков»

Проблема детской трудновоспитуемости, попав в стремительное течение либерально-демократических реформ, меняет своё лицо буквально на глазах: не проходит и 5–7 лет, как в её феноменологическом пространстве появляются новые факты, вынуждающие пересматривать концепции, ещё вчера казавшиеся вполне фундаментальными.

К такого рода феноменам, не укладывающимся в русло традиционных воспитательных парадигм, относится смещение возраста демонстративного непослушания и рискованных экспериментов с инфантильной мотивацией (по типу детской шалости) на раннее совершеннолетие — 16–18 лет. Это грозит серьёзными последствиями как для социальной перспективы человека, так и для его судьбы в целом. При этом **особенно настораживает массовый характер отклонений в поведении, заставляющий предположить некие фундаментальные изменения во взаимодействии подрастающего поколения с обществом и государством.** Наш опыт по психолого-педагогической реабилитации трудновоспитуемых детей и подростков даёт право на некоторые обобщения.

При исследовании наркомании, преступности, сексуальных эксцессов, разного рода отказничества от культуры «взрослых» бросается в глаза, что при всём многообразии жизненных обстоятельств за каждой судьбой угадывается некая «почва», общая тенденция, которую невозможно свести к привычным вариантам семейно-педагогической запущенности. Скорее всего, это свидетельствует о том, что **отечественная концепция трудновоспитуемости в известной мере оторвалась от реальности.**

Если взять только советский период жизни нашего общества, начавшийся с победы над беспризорщиной, то первая концепция была простой, но очень эффективной, очевидной для тех условий. Совпадение моральной установки — классовой солидарности, политических догм, примата общественного воспитания над семейным и правовой аксиомы (всеобуч) надёжно обеспечивали единство общества и государства в воспитании подрастающего поколения.

Позже образ трудновоспитуемого слагался из трёх компонентов: плохое воспитание в семье; недостаточная мотивация к учёбе; умственные или физические недостатки. В теории преобладал фактор индивидуальных отличий (недаром программа помощи таким детям именовалась «Аномальное детство»), а на практике — включение ребёнка в здоровый, оптимистический коллектив.

Перестройка, или те изменения в жизни, которые сделали её необходимой, заставила пересмотреть основы воспитательной стратегии. Школа стремительно перешла от лозунга «всестороннего развития личности» к «оказанию образовательных услуг», вынуждая семью восстановить полузабытые навыки воспитания. Такая встряска основ не прошла даром. Сначала всю Россию в середине 80-х годов захлестнула волна токсикомании 10–12-летних детей, взявших моду вдыхать пары бензина до потери сознания и галлюцинаций. В те годы этому не было дано сколько-нибудь вразумительного объяснения, и оно ушло в историю без выводов, как проходной эпизод. Однако сам по себе он был, безусловно, знаковым событием и свидетельствовал, что **дети активно отреагировали на социальное отчуждение уже тогда, когда взрослые ещё ничего не чувствовали.** Вдыхание паров бензина до отключения сознания в детском мироощущении можно смело считать прообразом самоубийства. В дальнейшем как семья, так и среда приноровились к новой расстановке сил, оказав детям внимание, которого им так недоставало. Токсикомания пошла на спад, сохранившись лишь среди «уличного племени», а ей на смену пришёл массовый исход из школы так называемых «неконкуренто-

способных учеников». И это при том, что школы в те годы активно стали провозглашать «лично-ориентированную, гуманистическую» педагогику.

Смена ориентиров — «аномальные» на «неконкурентоспособные» — отразила суть происшедшего. Дело в том, что к началу 90-х гг. школа сосредоточила свои усилия на подготовке достаточно ограниченной когорты детей, способных усваивать сложные программы обучения. Для них открыли привилегированные образовательные учреждения, снабдили их «престижными» предметами. Остальным — муниципальным школам — негласно (они же ординарные, или народные) было предложено забыть о своём государственном статусе, о своей ответственности и переключиться на цели самореализации школьников в процессе обучения. Конечно же, большинство школ захотели получить привилегии и начали бороться за статус престижной гимназии, лицея и т.д., опираясь на учащихся, чьи успехи можно было продемонстрировать начальству. Естественно, потребовалось некоторое время, пока честолюбивые иллюзии рассеялись, но всё-таки **почти десять лет те ученики, с которыми нужно было работать из чувства долга, учителю были неинтересны. Они стали балластом, и от ребят этого не скрывали.**

Реабилитационной педагогике пришлось формировать инфраструктуру учреждений и подразделений для учеников, теряющих психологические связи с первичным коллективом. Благодаря этим усилиям удалось в какой-то мере избежать массовых последствий, но не для всех. Вернуть подросткам общественные интересы удавалось лишь там, где можно было опереться на поддержку семьи. Если же и она отталкивала детей, социальное отчуждение превышало допустимые пределы. Для реабилитации таких ребят пришлось подключать Министерство социальной защиты, которое за короткий срок покрыло страну сетью приютов и центров социальной поддержки. **Проблема трудновоспитуемости раскололась между ведомствами. Дети-маргиналы становились отщепенцами в системе образования.**

В этой ситуации было много противоречий, порождённых издержками воспитательной политики, однако оставалась надежда, что школа, переболев «ранним капитализмом», вернётся к былой нормальной ответственности за ребёнка. Отчасти так и произошло. Государственные школы подняли качество своей работы на уровень, оправдывающий привилегии; муниципальные научились взаимодействовать с родителями и ориентироваться на запросы и ожидания населения; реабилитационные наладили сотрудничество с учреждениями социальной защиты. Казалось бы, кризис вот-вот удастся преодолеть. Но... в очередной раз изменился психологический климат во взаимодействии молодёжи с обществом и государством. Взрослые, увлекшись идеей «свободного воспитания», формирования автономной личности и прочей либеральной болтовнёй, увеличили дистанцию между поколениями, предоставив переходному возрасту непривычную для него «свободу волеизъявления», что **часто происходило при полном отсутствии воли и социально значимых ценностей.** Образно говоря, подростков окунали в стихию нерегламентированных социальных отношений, в соблазны воинствующего индивидуализма. Последствия не заставили себя ожидать, и мы получили в итоге разнузданное поведение молодёжи. В какой степени государство, и в частности школа, может сегодня влиять на ситуацию? Поскольку наше общество в этом вопросе повторяет исторический опыт буржуазной демократии, — насколько он приемлем в наших конкретных исторических и экономических обстоятельствах? Достаточно вспомнить, что буржуазная демократия, отличительной особенностью которой является непрерывное потрясение всех общественных отношений, когда всё возникающее вновь оказывается устаревшим, прежде чем успеет укорениться и окостенеть, всё сословное и застойное исчезает, всё священное оскверняется, и люди, наконец, приходят к необходимости взглянуть трезвыми глазами на своё жизненное положение и свои взаимные отношения, по самой сути **не может закладывать в человеке какую-либо идеологию, прежде чем он будет в состоянии выбрать собственные внутренние смыслы.** При этом авторитарное общество, напротив, стремится осознанно заложить рамки будущих контуров личности до того, как возникнут соблазны индивидуализма.

До последних лет наши дети подходили к периоду личностного созревания оснащёнными навыками социальных ролей. Молодёжь была подготовлена к тому, чтобы перенести во внутренние смыслы коллективные ценности, и если, подчиняясь природе, эмансипировалась, протестовала, стремилась к оригинальности, то без замаха на нравственные основы, общественные идеалы, без угрозы их разрушительства. Трудности адаптации возникали лишь у тех неудачников-индивидуалистов, которые оставались вне коллектива и которым переносить внутрь было просто нечего: из пустотелости, из отрицательной самооценки положительная Я-концепция не рождается.

Да и на Западе не торопились приводить систему воспитания к новым формам, и лишь во второй половине XX в., окончательно отринув священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности, молодым людям дали возможность выбирать нравственные ценности и социальные ориентиры в возрасте, когда учителей уже не слушаются, а личностные идеалы ещё только формируются. Вероятно, люди в массе своей (и педагоги в том числе) поверили, что воспитательная культура достигла такого уровня, на котором за детей можно уже не беспокоиться, а стихию молодёжно-подростковой субкультуры удастся удержать в цивилизованных рамках. Но жизнь жестоко мстит за социальные иллюзии, мифы.

Молодёжь, которую бросили в стихию незрелой субкультуры, поначалу сопротивлялась. Она протестовала движением «отказников», эпидемией наркопристрастий, «сексуальной революцией». Взрослые пережили этот период без паники. Возраст неполной ответственности был увеличен, срок обучения в западных школах продлён до 12 лет, меры уголовной ответственности за многие правонарушения заменены административными. Постепенно студенты вернулись с улиц в университеты, средний класс вынес из движения хиппи только стиль поведения и успокоился. В пространстве «между пивнушкой и тюрьмой» остались люмпенизированные неудачники, чей протест не лишён был социального озлобления. К этим люмпенам стали применять меры социальной поддержки — разнообразными и большими силами.

Таким образом, сегодняшний взрослый человек западного мира, переболевший подростково-молодёжной необузданностью, начал воспринимать окружающий мир иначе, нежели «наш» человек, не прошедший такого испытания, такой социальной школы. Возник психологический барьер, мешающий партнёрству, бывшие советские люди, не дожидаясь указаний свыше, начали готовить своих детей к жизни в открытом обществе. Возникла новая проблема трудновоспитуемости на почве общих изменений социальной культуры; и не в последнюю очередь из-за реакции самой системы на такого рода спонтанные движения в социальной среде. Начало перестройки было ознаменовано решительными заявлениями типа «школа не обязана воспитывать», «убрать идеологию из школы» и т.д. **Механизмы социального управления начали отказывать. Горький опыт дедовщины в армии наглядно продемонстрировал, что получается, когда общество реагирует по принципу «если воспитывали не так, то не будем никак воспитывать».** Неуправляемая общность социально незрелых людей жестоко гнёт, ломает, калечит сегодня личность, а **свобода на низком уровне социального развития оборачивается не более чем идиотизмом жизни.**

Какую же позицию должна занять государственная, муниципальная и реабилитационная школа в условиях, когда отношение общества к своей молодёжи не зависит от указаний политического (да и педагогического) начальства? Создаётся впечатление, что система с её воспитательными, научными институтами просто застыла в растерянности, ожидая, пока жизнь сама не найдёт приемлемых решений. Но и жизнь не торопится искать такие решения. Неприемлемых — сколько угодно! Дети и подростки, которых перестали воспитывать и не обучили навыкам свободного выбора **на основе культуры и нравственности**, подходят к юношескому возрасту **беззащитными**. Их инфантильного видения себя в будущем недостаточно для того, чтобы оценить и осознать преходящий характер сомнительных, условных ценностей подростково-молодёжной субкультуры. Поэтому у многих из них возникает иллюзия, что это и есть настоящая подлинная форма бытия. В результате молодой человек стабилизируется на уровне промежуточных ценностей, так и остаётся инфантильным, мар-

гиналом и, даже становясь совершеннолетним, не в полной мере осознаёт фактическое и социальное значение своих намерений и поступков, сохраняет склонность к слепому поведению, неумение отчитываться перед самим собой, страшится заглянуть к себе в душу, ибо в ней — пустота или чернота...

К аномальным и неконкурентоспособным присоединились инфантильно делинквентные. Образ трудновоспитуемого школьника стал сложнее. Ему свойственно недооценивать роль и значение писаных законов и ориентироваться на нравы реального окружения, поддаваясь влиянию сильного и не чувствуя, как захлопывается над его судьбой капкан героиневой абстиненции или статьи Уголовного кодекса. Сегодня значительно вырастает период жизни за счёт родителей (недаром очень многие стараются всеми силами спровадить своих детей в вуз, всё равно на какую специальность). Если удаётся избежать надлома судьбы от детской шалости с криминальными последствиями, родители считают это огромной удачей. Однако для тех, кто подходит к «ничейной зоне», по словам Э. Эриксона, с опытом изоляции и отчуждения, увеличение этой дистанции не проходит бесследно.

Непознанная культура выглядит угрожающе, у новых отщепенцев не остаётся иной перспективы, кроме как искать общества себе подобных — людей схожей судьбы. **На наших глазах формируется новая когорта маргиналов, которые ещё не успели заметно опуститься, но чей пример уже настораживает.** В среде трудновоспитуемых учащихся — даже крайних индивидуалистов — заметно крепнут корпоративно-коллективистские настроения, поскольку в коллективе ребята видят более надёжные социальные гарантии, нежели в свободном предпринимательстве (свободы им уже хватает!). Психологический климат прежней школы характеризовался преобладанием идеи социальной справедливости. **Сегодня в обычной школе господствуют конкуренция и дедовщина.**

Жаль, что в лихорадочных инновационных поисках мы забываем о своём первейшем долге, который завещан классиками научной педагогики. Послушаем К.Д. Ушинского: «Вовсе отказываться от воспитания нельзя, и стыдно, и опасно: можно, пожалуй, дойти до такого состояния, что сотни европейских пушек заставят трепетать стомиллионную империю».

Я уверен: в движении к нравам открытого общества буржуазного толка реабилитационной педагогике не следует торопиться. Хочет она того или нет, но ей придётся сохранять методы воспитания советской школы, чьи представления о социальных гарантиях больше отвечают индивидуальным потребностям дезадаптированных детей, нежели установки на «предоставление образовательных услуг». Педагогике, школе приходится сегодня искать формы реабилитирующего обучения и воспитания в возрасте, который всегда считался зрелым — от 16 до 18 лет. Такова жестокая социальная плата за отказ школы от воспитания детей, за либеральные лозунги неограниченной «свободы личности». Дорого обходятся они обществу и прежде всего — самим подросткам...

г. Екатеринбург